

л 216

65490

Инв. 1953 г.

БС СР

1965 г.

Б С С Р
Дзяржаў бібліятэка
імя А. С. Леніна
№ 5642

Происхождение „Руслана и Людмилы“ А. С. Пушкина (1817—1820 гг. ¹).

„Русланъ и Людмила“,—первая поэма А. С. Пушкина, начатая имъ еще въ Лицеѣ и конченная въ мартѣ или въ апрѣлѣ 1820 года, передъ выѣздомъ на югъ²), носить на себѣ слѣды не только подражанія, какъ всѣ лицейскія стихотворенія, но и несомнѣнныя задатки самостоятельнаго творчества. Впрочемъ эти задатки болѣе всего отражаются въ формѣ поэмы, въ ея стихѣ и языкѣ, между тѣмъ какъ въ самомъ содержаніи поэмы нѣтъ точнаго воспроизведенія ни народно-бытовыхъ, ни историческихъ сюжетовъ. Извѣстныя произведенія поэта въ этомъ родѣ, создавшія школу Пушкина, въ томъ числѣ „Полтава“, далеко оставили за собой „Руслана и Людмилу“. Эта слабость первой поэмы Пушкина объясняется ея происхожденіемъ, въ которомъ болѣе всего играли роль подражаніе и заимствованіе основныхъ сюжетовъ и лицъ изъ иностранныхъ и особенно изъ русскихъ слабыхъ опытовъ воспроизведенія старины и народности. Ислѣдователи и біографы Пушкина не разъ уже пытались указывать источники въ иностранной

¹) Читано въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца 30 апрѣля 1895 года.

²) *Грота*: Пушкинъ, его лицейскія стихотворенія, 1887 г., стр. 236. „Отрывокъ изъ третьей пѣсни Поэмъ *Людмила и Русланъ*“ помѣщенъ въ „Сынѣ Отечества“ 1820 г., ч. 61, съ разрѣшенія цензуры 23 марта 1820 г., въ книжкахъ XV и XVI, помѣченныхъ 10 апрѣля и 17 апрѣля. Въ 64 ч. „Сына Отечества“ (вышла 18 сентября, съ цензурной помѣтой „августа 17“) явились уже „Прибавленія къ Поэмѣ: *Русланъ и Людмила*“ съ зиплогомъ подписаннымъ „26 іюня 1820 г. Кавказъ“. Здѣсь не лишена значенія перемена заглавія очевидно героиня равнѣ задумана поэтомъ.

и русской литературахъ, на основаніи которыхъ молодой Пушкинъ пытался въ „правдивыхъ пѣсняхъ напѣвать старинны были“¹⁾:

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Въ 1828 году, въ извѣстномъ великолѣпномъ „Прологѣ“ къ новому изданію „Руслана и Людмилы“ („У лукоморья дубъ зеленый“, и проч.), приступая къ поэмѣ „Полтава“, Пушкинъ называетъ первую поэму просто „сказкой“. „Полтава“, по свидѣтельству самого поэта, была вызвана слабой поэмой „Войнаровскій“ (1825 г.), въ которой онъ нашелъ сюжетъ для развитія романической стороны своей поэмы—отношеній Мазепы къ дочери Кочубея. Если и въ зрѣлую пору великій поэтъ не брезговалъ слабыми произведеніями русской литературы, отыскивая въ нихъ сюжеты или отдѣльныя черты для самостоятельнаго творчества, то еще болѣе это отражается въ его раннихъ произведеніяхъ.

Въ предлагаемой замѣткѣ я укажу еще на одинъ источникъ „Руслана и Людмилы“—и довольно близкій—на „Богатырскія повѣсти въ стихахъ“ Николая Александровича Радицева, вышедшія въ 2-хъ частяхъ, въ Москвѣ въ 1801 г., подъ названіями: „Альоша Поповичъ, богатырское пѣснотвореніе—сочиненіе Н... я Р... ва“ и „Чурила Пленковичъ“ (тоже)²⁾.

Въ виду библиографической рѣдкости и почти неизвѣстности въ исторіи русской литературы этого произведенія, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ авторѣ „Богатырскихъ повѣстей“ и о самомъ сочиненіи.

Николай Александровичъ Радицевъ старшій сынъ извѣстнаго автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, умершаго въ 1802-г., извѣстенъ былъ кромѣ „Богатырскихъ повѣстей въ стихахъ“ объ Алешѣ и Чурилѣ еще переводами изъ Августа Лафонтена, вышедшими съ 1817 по 1819 г., и запиской „О жизни и сочиненіяхъ А. Н. Радицева“—своего отца. Николай Радицевъ умеръ раньше своего брата Павла, дожившаго до шестидесятихъ годовъ настоящаго

¹⁾ Ссылаемся и далѣе на „Сочиненія Пушкина“ изд. Поливанова, т. II, стр. 49, 51.

²⁾ Несмотря на это сокращеніе имени и фамиліи автора, Богатырскія повѣсти въ стихахъ объ Алешѣ и проч. давно уже назывались полной фамиліей—Радицева (начиная съ „Росписи“ Смирдина, № 6749; см. М. И. Сухомлиновъ: Исслѣдованія и статьи, 1889 г., I, стр. 665 и д.); но современники, какъ и А. С. Пушкинъ, приписывали иногда это сочиненіе отцу Н. А. Радицева—Александру Николаевичу (см. у насъ ниже).

столѣтія (см. М. И. Сухомлинова: „Исслѣдованія и статьи“, 1889 г. I, стр. 665 и далѣе). Н. А. Радищевъ, по словамъ князя П. А. Вяземскаго, „былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Мерзляковымъ, Воейковымъ, Жуковскимъ“. Въ 1801 г., послѣ военной службы (начатой еще въ 1783 г.) Н. А. Радищевъ опредѣленъ былъ въ комиссію о коронаціи, а въ 1802 г.—въ комиссію о составленіи законовъ. Въ эти годы и отецъ Радищева, по возвращеніи изъ ссылки, занималъ служебное положеніе въ названныхъ комиссіяхъ. Образованный отецъ—писатель далъ хорошее образованіе и сыну, но не могъ передать ему своего таланта—наблюдательности и правды въ изображеніи жизни.

„Богатырскія повѣсти въ стихахъ“ объ Алешѣ Поповичѣ и Чурилѣ Пленковичѣ—Н. А. Радищева кромѣ именъ не имѣютъ никакого отношенія къ народнымъ былинамъ объ этихъ богатыряхъ. Это тоже, что „Богатырская сказка Илья Муромецъ“ Карамзина, 1794 г. Радищевъ говоритъ въ своихъ повѣстяхъ о подражаніи Виланду и Аріосту, но основные сюжеты и большая часть подробностей „богатырскихъ повѣстей“ Радищева основаны почти всецѣло на „Русскихъ сказкахъ, содержащихъ древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ“ М. Чулкова, (1780—83 гг.). Чтобы видѣть всю фантастичность богатырскихъ сюжетовъ въ „Сказкахъ“ Чулкова, достаточно привести слѣдующія мѣста. Повѣсть о Аліошѣ Поповичѣ начинается: „Сей Богатырь не столько славенъ своею силою, какъ хитростью и забавнымъ правомъ. Родился онъ въ Порусіи, въ домѣ первосвященника Вайдевута. Богатырь Кіевскій Чурило Пленковичъ, между прочими благодареніями дому жрецову, включилъ и сіе“. А между тѣмъ въ этихъ богатырскихъ сказкахъ о в. кн. Владимірѣ Всеславьевичѣ, о богатыряхъ Добрынѣ Никитичѣ, Алешѣ Поповичѣ и др. видно несомнѣнное знакомство Чулкова съ древними записями былинъ¹⁾. Но простая народная поэзія и древній слогъ не нравились русскимъ писателямъ XVIII в.: богатырей они передѣлывали въ рыцарей со всѣми подвигами

¹⁾ Въ I ч. „Русскихъ Сказокъ“ (прим. на стр. XII) составитель „богатырскихъ сказокъ“ говоритъ о „точныхъ словахъ древняго слога Россійскихъ поэмъ, или сказокъ богатырскихъ“, которые онъ отмѣчаетъ коньчками и о „переложеніи ихъ на нынѣшнее нарѣчіе“. Вотъ образчики выдержекъ изъ былинъ у Чулкова (ч. I): „Ты гой еси нашъ батюшка, Владиміръ Князь, Кіевское Соляшко Всеславьевичъ! (5 стр., изд. 4-го); „Конь подъ нимъ аки лютый—звѣрь; самъ онъ на колѣ что ясевъ соколъ. Онъ на дворъ възъѣзжаетъ не спрошаючи (53 стр.); „дней и ночей не проспавючи, со добра коня не слѣзючи“ (55); „Изъ далеча, изъ далеча во чистомъ полѣ“, и проч. (стр. 122—123, прим.) приводится по памяти изъ „Собранія древнихъ Богатырскихъ пѣсней“, и проч.

и отношеніями къ дамамъ западноевропейскихъ поэмъ, а слогъ измѣняли сообразно литературнымъ вкусамъ своего времени. Отъ того такъ трудно отдѣлить немногія крупныя русскія былины въ Сказкахъ Чулкова отъ безконечныхъ походовъ Баламировъ, Доброславовъ, Прелѣвъ, Миланъ, и т. п.

Только появленіе въ 1804 г. „Древнихъ русскихъ стихотвореній“ настоящихъ народныхъ былинь и историческихъ пѣсенъ,—вполнѣ точно изданныхъ затѣмъ въ 1818 г., положило конецъ той путаницѣ и фантастичности, какая господствовала во взглядѣ на русскія богатырскія пѣсни въ XVIII в. и отчасти въ началѣ XIX в. Пушкинъ въ „Русланъ и Людмила“ пользовался уже и прекрасными богатырскими быльями „Древнихъ Россійскихъ стихотвореній“, или Киршей Даниловымъ, Словомъ о Полку Игоревѣ, народной сказкой объ Ерусланѣ Лазаревичѣ и др., отъ чего нѣкоторый народный колоритъ и отблескъ отдаленной русской старины, при художественной формѣ, до сихъ поръ привлекаютъ къ этой первой поэмѣ Пушкина. Между тѣмъ какъ „богатырскія пѣсноподобія“ Карамзина, Радищева и др. не имѣютъ, сами по себѣ, ровно никакого значенія.

Вотъ содержаніе „богатырскихъ повѣстей“ Радищева. Алеша Поповичъ „въ первой разъ летитъ сражаться“: „вдругъ нѣкій гласъ его воззвалъ—се витязь передъ нимъ предсталъ“. Этотъ витязь поразилъ Алешу и заставилъ его слѣдовать за собой, какъ плѣннаго. Воспользовавшись сномъ витязя и встрѣчей съ красавицей, Алеша уводитъ коней витязя, предварительно связавши его соннаго въ шатръ, и скачетъ съ красавицей *Людмилой* въ Кіевъ. Эта красавица похищена была посредствомъ чаръ волшебникомъ *Челубеемъ* (Черноморь), сыномъ *Яи* (= Наина Пушкина). Но напрасно отвратительный колдунъ Челубей добивался любви Людмилы, она осталась непреклонной. Алеша и Людмила помогаетъ жрица—предсказательница и даетъ чудесное кольцо, посредствомъ котораго можно невидимымъ отъ всѣхъ скрываться (стр. 33). Уже бѣглецы достигли кіевскихъ башенъ, какъ Челубей погрузилъ въ сонъ Алешу и похитилъ Людмилу. Таково содержаніе „первой пѣсни“. „Вторая пѣсня“ открывается пробужденіемъ Алеши:

Альоша вѣжди растворяетъ,
Еще, смущенной сномъ, глядитъ;
Къ супругѣ руки простираетъ,
Людмилу лѣцую манитъ.

Но— ах! Сокрылась ужъ она,
Злодѣемъ вдаль унесена (40 стр.).

Алеша ѣдетъ отыскивать Людмилу и прежде всего встрѣчаетъ старца въ мрачной пещерѣ. Это Финнъ Пушкина. У Радищева онъ также читаетъ въ волшебной книгѣ о возможности спасти Людмилу (стр. 47) и также прощается съ героемъ (стр. 48). Первая попытка Алешы похитить Людмилу изъ чертоговъ Челубея кончается неудачей. Приѣмъ Пушкина переходитъ отъ Руслана къ Людмилѣ и наоборотъ мы находимъ и у Радищева. Въ концѣ „второй пѣсни“ онъ говоритъ:

Но намъ не худобъ также было
Къ Людмилѣ въ повѣсть заглянуть,
Узнать, гдѣ Небо прекратило
Ея подземной, страшной путь.
Ея мы книгу разогнемъ,
О ней вѣщать теперь начнемъ.

Въ третьей пѣснѣ колдунъ обманываетъ Людмилу, принимая видъ Алешы, Алеша встрѣчаетъ главу говорящую, хотя всѣ эти подробности, повторяющіяся у Пушкина и вставлены у Радищева въ рамки повѣсти о панѣ Твардовскомъ¹⁾.

„Чурила Пленковичъ“ Радищева дополняютъ очерки героя и его враговъ въ достиженіи возвращенія отъ волшебника красавицы жены. Отказываясь отъ обращенія къ Музамъ Радищевъ такъ говоритъ о своихъ поэтическихъ приѣмахъ:

Но я хочу пѣть вольными стихами,
Некудреватыми словами,

¹⁾ Приведемъ нѣсколько сопоставленій „Алешы Поповича“ съ „Русланомъ“. Какъ Радищевъ называетъ „Альошу—древнимъ“, такъ и Пушкинъ „Руслана“: „И Руси древній удалецъ“. У Радищева „Герой излѣлъ супругу изъ бѣды“ (стр. 31) отъ колдуна, который уже погубилъ „двухъ кievскихъ витязей“ (стр. 25). Колдунъ поймалъ Людмилу въ хитру сѣтъ“ (22), такъ и у Пушкина „Людмила попадается въ сѣти (во программѣ поэмы и въ концѣ 4 пѣсни). Лель—Пушкина играетъ еще большую роль у Радищева (10, 33 и др.). Русланъ оживляетъ Людмилу кольцомъ—тоже у Радищева (33). Волшебникъ Челубей погружаетъ въ „тяжкой сонъ Алешу и его супругу“ (37). Пѣснь вторая Радищева начинается описаніемъ терзаній Альоши вслѣдствіе похищенія супруги, здѣсь же упоминается громъ и гроза (41). Но особенно близко къ поэзіи Пушкина описаніе волшебника старца и его пещеры (съ стр. 44 до 48). Въ замкѣ волшебника долго отыскиваетъ Альоша свою супругу (49), и т. д. Людмила у Радищева болѣе очерчена: въ 3 пѣсни онъ называетъ свою повѣсть—повѣстью „О бѣдствіяхъ Людмилы“. Вотъ почему Пушкинъ первоначально и назвалъ свою поэму „Людмила и Русланъ“.

Россійскихъ Витязей, Богатырей,
Владимировыхъ славу дней.

„Пѣсня первая“ открывается пирами Владиміра съ вельможами въ Кіевѣ и появленіемъ страшнаго змія—Горыничя, насланнаго на Кіевъ Бабой Ягой. Владиміръ ищетъ богатыря—супротивника змію и такимъ является Чурила Пленковичъ—кожевникъ. Побѣдивъ змія, Чурила вступилъ въ число Владиміровыхъ витязей, среди которыхъ нашель друга въ Добрынѣ Никитичѣ. „Пѣснь вторая“ повѣствуетъ о приключеньяхъ Чурилы по выѣздѣ изъ Кіева: богатырь находитъ красавицу и избавляетъ ее отъ страшнаго карлика (ростомъ въ поларшина, съ горбомъ съ ужасными усами, стр. 49¹⁾), такъ же, какъ Русланъ Людмилу отъ Черномора, при чемъ являются тѣже сады съ фонтанами, тоже борьба и помощь врагамъ Чурилы со стороны Бабы-Яги, волшебницы, тщетно добывающейся любви жреца, а самому герою со стороны старика волшебника. „Богатырское пѣснотвореніе о Чурилѣ“ Радищева кончается пиромъ Владиміра по поводу счастливаго возвращенія супруговъ. Несомнѣнно, что на Богатырскихъ повѣстяхъ Радищева кромѣ непосредственнаго вліянія Русскихъ сказокъ Чулкова отразилось еще литературное вліяніе „Душеньки“ Богдановича. „Причудницы“ И. И. Дмитріева и „Ильи Муромца“ Карамзина. Вліяніе Аріоста и Виланда сказалось въ нѣкоторыхъ описаніяхъ. Но положенія героевъ и развитіе дѣйствія у Радищева представляетъ самостоятельныя черты, которыя и легли въ основаніе многихъ картинъ Пушкинскаго „Руслана и Людмилы“, художественно обработанныхъ и болѣе стройно развитыхъ²⁾. Припомнимъ теперь существующія объясненія источниковъ „Руслана и Людмилы“.

Проф. А. И. Незеленовъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ о Пушкинѣ (1882 г., стр. 49) такъ объясняетъ происхожденіе „Руслана и Люд-

¹⁾ Ср. у Пушкина въ пѣсняхъ 2 и 3: „горбатый карликъ“ и его „безконечные усы“.

²⁾ Приведемъ еще нѣкоторыя соотвѣтствія въ частности „Чурилы“ Радищева и „Руслана“ Пушкина. Кудесникъ предсказываетъ герою (стр. 78): „Найде ъ онъ съ ней свою любезну... Пусть путь теперь направитъ свой къ колдунѣ“. Яга принимаетъ образъ Прелѣны, чтобы обмануть героя (стр. 81—82). На стр. 89 описывается колдунья—„горбатая, хромая“, а ст. 103 и далѣе хоры дѣвицъ напоминаютъ извѣстные хоры дѣвицъ, обращенные къ Ратмиру въ началѣ 4 пѣсни: „Сокройся Витязь здѣсь молодой... Отъ лютыхъ горькихъ бѣдъ; Забудь превратной свѣтъ; Ты здѣсь остановился, Живи и веселись“. Стр. 115 и 120 сады и пышная спальня, въ которыхъ проводитъ время похищенная героиня, къ которой два раза является волшебникъ. Тоже на стр. 132, 134 и далѣе. На стр. 144 героиня скрывается въ саду и волшебникъ не находитъ ее въ покояхъ, и т. д.

милы“: „все это произведение есть... передѣлка Двѣнадцати спящихъ дѣвъ Жуковскаго... Если сравнить содержаніе обѣихъ поэмъ, то окажется, что онѣ почти тождественны. И въ той, и другой рассказывается о похищеніи Кіевской княжны; и у Пушкина и у Жуковскаго ядятся двѣнадцать прекрасныхъ дѣвъ. Только Вадимъ Жуковскаго *раздѣлся* на двѣ личности—на Руслана и Ратмира. Русланъ отправляется на поиски за кіевской княжой, а Ратмиръ увлекается двѣнадцатью дѣвами. Великанъ Жуковскаго, похитившій кіевскую княжну, тоже *раздвоился* у Пушкина: на карла—Черномора и его брата—Голову; Русланъ борется и съ тѣмъ и съ другимъ. Св. угодникъ Жуковскаго *превратился* у Пушкина въ старика Финна, бѣсъ—въ Нанну. Какъ Угодникъ и бѣсъ состязаются у Жуковскаго изъ-за Громобоя, такъ у Пушкина Финнъ и Нанна спорятъ и враждуютъ изъ-за Руслана. Наконецъ, какъ Вадимъ привозитъ похищенную княжну въ Кіевъ, такъ и Русланъ привозитъ Людмилу“. Однако, проф. Незеленовъ не скрываетъ и „большой разницы“ между сравниваемыми поэмами и дѣлаетъ такое общее заключеніе: „содержаніе поэмы Пушкина заимствовано у Жуковскаго; но произведеніе послѣдняго подвергнуто передѣлкѣ, весьма существенной: молодой поэтъ хотѣлъ по своему поправить нравившееся ему, но казавшееся слишкомъ мечтательнымъ и идеальнымъ созданіе своего учителя“. Еще предшественники Незеленова указывали на вліяніе извѣстной поэмы „Душенька“ Богдановича на созданіе характера Людмилы у Пушкина, на Аріоста, Виланда и Гамильтона съ одной стороны, и сказокъ, въ родѣ Еруслана Лазаревича,—съ другой стороны (см. объ этомъ, на примѣръ, въ извѣстномъ изданіи „Сочиненій А. С. Пушкина“ Льва Поливанова, 1887 г., II, стр. 4—21).

Мы не отрицаемъ вліянія Богдановича, Аріоста, Еруслана (изъ котораго явился и „Русланъ“—герой Пушкина); но не можемъ согласиться съ рѣшительнымъ вліяніемъ Жуковскаго, по мнѣнію проф. Незеленова и Гамильтона, по мнѣнію Поливанова. Вліяніе названныхъ нами „богатырскихъ поэмъ“ Радищева на „Руслана и Людмилу“ Пушкина исключаетъ необходимость „превращать“ и „раздѣлять“ сравниваемыхъ героев—изъ св. Угодника выводитъ Финна изъ бѣса—Нанну. Такъ можно какое—угодно русское сочиненіе вывести изъ западноевропейской или русской же литературы, напр. „Мертвая Душа“ Гоголя изъ „Божественной Комедіи“ Данта, какъ уже пытался выводить одинокъ изъ талантливыхъ представителей западноевро-

пейской литературы въ русской наукѣ. Если послѣдній выводъ сдѣланъ на основаніи простаго сравненія въ VII главѣ, перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, что въ гражданской палатѣ „нашимъ пріятелямъ (т. е. Чичикову и Манилову) прислужился коллежскій регистраторъ, какъ нѣкогда Виргилій прислужился Данту“ (изд. 10-е, 1889 г., III т., стр. 142), то объясненіе происхожденія „Руслана и Людмилы“ изъ поэмы Жуковскаго покоится на слѣдующемъ обращеніи Пушкина къ Жуковскому въ началѣ „Четвертой пѣсни“:

Поэзіи чудесный геній,
 Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
 Любви, мечтаній и чертей,
 Могилъ и рая вѣрный житель,
 И Музы вѣтренной моей
 Наперстникъ, пѣстунъ и хранитель!
 Прости мнѣ, сѣверный Ороей,
 Что въ повѣсти моей забавной
 Теперь вослѣдъ тебѣ лечу
 И лиру Музы своенравной
 Во лжи прелестной обличу.

И въ 4, и въ 5 пѣсняхъ, говоря о Жуковскомъ, о „Вадимѣ“ и „Двѣнадцати спящихъ Дѣвахъ“, Пушкинъ вездѣ называетъ себя „поэтомъ печальной истины, правдивыхъ пѣсень“, а Жуковскаго въ названныхъ его поэмахъ—пѣвцомъ „геройства любви и дружбы старыхъ лѣтъ—незнаемыхъ въ мірѣ“. Эти чудесныя видѣнья, эта прелестная ложь романтической Музы рано замѣнились у Пушкина естественнымъ взглядомъ на человѣка и его страсти. Отсюда Пушкинъ ищетъ вдохновенія „въ преданьяхъ старины глубокой“—по народнымъ произведеніямъ, въ „преданьяхъ русскаго семейства“—по историческимъ и бытовымъ даннымъ, наконецъ—въ своемъ тревожномъ и всеобъемлющемъ сердцѣ, чуткомъ къ біеніямъ жизни. Отсюда и та реальность, народность, правдивость и художественная красота Пушкинскихъ произведеній. Но въ развитіи великаго поэта были свои подъемы и переходы. Притомъ Пушкинъ постепенно знакомился съ міромъ русской народной поэзіи и историческихъ преданій. Припомнимъ, что въ началѣ настоящаго столѣтія не было еще того неисчерпаемаго богатства въ этомъ отношеніи, какимъ мы обладаемъ теперь. Но Пушкинъ и при созданіи „Руслана и Людмилы“ воспользовался не только Киршей Даниловымъ—его сборникомъ народныхъ былинъ и историче-

скихъ пѣсенъ, но и „Словомъ о Полку Игоревѣ“. Въ „пѣснѣ третьей“ Пушкинъ упоминаетъ:

Быть можетъ, на холмѣ пѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
И струны громкія Байновъ
Не будутъ говорить о немъ!

А въ „первой пѣснѣ“ поэтъ прямо выводитъ Бояна на пиру кн. Владиміра въ Кіевѣ.

Въ тридцатыхъ годахъ Пушкинъ серіозно, какъ ученый, занялся Словомъ о Полку Игоревѣ, открытомъ сто лѣтъ тому назадъ, въ 1795 году, но, къ сожалѣнію, недокончилъ своей цѣнной работы.

Не признавая вліянія „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ“ Жуковского на поэму Пушкина, мы не можемъ призвать и вліянія Гамильтона, малоизвѣстнаго французскаго поэта XVII в., у котораго въ сказкахъ находимъ добродѣтельныхъ и злыхъ волшебниковъ и т. п.

Гораздо проще и естественнѣе выводить происхожденіе „Руслана и Людмилы“ изъ „богатырской сказки“ Карамзина—„Илья Муромецъ“ и изъ разсмотрѣнныхъ „богатырскихъ поэмъ“ Радицева. Если изъ сказки Карамзина Пушкинъ могъ заимствовать названія героевъ—Людмилы, злаго, хитраго волшебника „Черномора“, то еще болѣе, начиная съ стихотворнаго размѣра и кончая ситуаціями героевъ, онъ могъ заимствовать изъ „богатырскихъ повѣстей“ Радицева. Самъ Пушкинъ не оставилъ намъ объясненій происхожденія своей первой поэмы, подвергшейся жестокимъ нападкамъ современной ему критики ложно-классическаго и романтическаго направленій. Однако въ „Критическихъ замѣткахъ“ 1830—31 гг. (Сочиненія А. С. Пушкина, 1887 г. изд. Литерат. Фонда, т. V, стр. 120) Пушкинъ сознается въ слабости созданія поэмы¹⁾, въ народнѣхъ Двѣнадцати спящихъ дѣвъ, и въ „смягченномъ подражаніи Аріосту“; но все это въ частностяхъ, а не въ основномъ сюжетѣ поэмы. Критики 20-хъ и 30-хъ годовъ хотя и сравнивали „Руслана и Людмилу“ Пушкина съ Роландомъ—Аріоста, съ Оберономъ—Виланда, даже съ Гомеромъ и Виргиліемъ, но признавали главными образцами поэмы—„простонародныя сказки“ (см. „Русская Критическая литература о произведеніяхъ Пушкина“,

¹⁾ О чемъ Карамзинъ выразился такъ: „въ ней есть живость, легкость, остроуміе только нѣтъ искуснаго расположенія частей, нѣтъ или мало интереса; все сметано на живую нитку“, тамъ же, т. II, стр. 201.

В. Зелинскаго, 1887 г., I ч., стр. 14, 22, 47 и др.), въ Черноморѣ усматривали сказочнаго „мужичка самъ съ поготь, борода съ локоть“.

Есть однако и прямыя указанія на то, что „богатырскія повѣсти въ стихахъ объ Алешѣ Поповичѣ и Чуриль“ были хорошо извѣстны Пушкину еще въ 1815 г., и онъ вспоминалъ ихъ даже незадолго до смерти въ 1836 г. Извѣстно, что Пушкинъ напечаталъ въ 1836 г. въ „Современникѣ“ выдержки изъ „Путешествія“ Радищева и сильно интересовался имъ, хотя и не признавалъ въ немъ особеннаго искусства въ прозаическомъ изложеніи и ставилъ въ этомъ отношеніи, т. е. со стороны формы, выше стихотворенія Радищева, но какъ въ 1815 г., такъ и въ 1836 г. не отличалъ сочиненій отца Радищева отъ сочиненій сына Радищева. Мы уже говорили, что на „богатырскихъ повѣстахъ“ 1801 г. стоятъ только инициалы: „Н. Р...въ“. Вотъ выдержки изъ замѣтокъ Пушкина, вполне подтверждающія наше указаніе на главный источникъ въ происхожденіи „Руслана и Людмилы“. Въ статьѣ объ Александрѣ Радищевѣ 1836 в. (см. Сочиненія А. С. Пушкина изд. 1887 г. Литерат. Фонда, т. V стр. 355), Пушкинъ говоритъ: „жаль, что въ Бовѣ, какъ и въ *Алешѣ Поповичѣ*, другой его (Радищева) поэмѣ, исключенной, незнаемъ почему, въ собраніи его сочиненій (т. е. „Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева“ въ М. 1807—1811 гг.—Пушкинъ не догадывался о принадлежности „Алеша Поповича“—сыну Радищева Николаю Александровичу), вообще Радищевъ писалъ лучше стихами, нежели прозою“. Если даже въ 1836 г. Пушкину нравился „Алеша Поповичъ Радищева“, то въ періодъ созданія „Руслана и Людмилы“ это увлеченіе было еще сильнѣе, и вотъ что писалъ въ стихахъ въ 1815 г. лицеистъ Пушкинъ:

О Вольтеръ, о мужъ единственный,
Ты, котораго во Франціи
Почитали богомъ вѣкимъ,
Въ Римѣ дьяволомъ, антихристомъ,
Обезьяною въ Саксоніи,
Ты, который на Радищева
Кинулъ было взоръ съ улыбкою,
Будь теперь моею музою
Пѣть я тоже вознамѣрился;
Но сравнюсь ли съ Радищевымъ? ¹⁾

¹⁾ А. П. Незеленова: Шесть статей о Пушкинѣ, 1892 г., стр. 70.

Пушкинъ не только сравнялся еще въ 1815 г. съ Радищевымъ, но, обработавъ сюжеты Радищева въ 1817—20 гг., затмилъ его и обнаружилъ проблески великаго таланта, быстро прошедшаго черезъ байронизмъ—въ поэмахъ и стихотвореніяхъ, написанныхъ на югѣ,—къ самостоятельному творчеству, доставившему великому русскому поэту неувядаемую славу.

П. Владиміровъ.

1. Ученые не имеют права...
 2. Ученые не имеют права...
 3. Ученые не имеют права...
 4. Ученые не имеют права...
 5. Ученые не имеют права...

II. Заключение

1. В заключение...
 2. В заключение...
 3. В заключение...
 4. В заключение...
 5. В заключение...
 6. В заключение...
 7. В заключение...
 8. В заключение...
 9. В заключение...
 10. В заключение...